
Лебина Н.

ИНТИМ: СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ЭПОХИ СОЦИАЛИЗМА: РЕГЛАМЕНТАЦИЯ СФЕРЫ ПРИВАТНОСТИ*

Lebina N.
**Sex: Sexual practices of the era of socialism:
regulation of the sphere of privacy**

Слово «интим» выбрано автором в качестве «опорного вербально-го знака» размышлений о специфике сексуальной жизни советских горожан.

После 1917 г. «половой вопрос» на целое десятилетие стал предметом публичных дискуссий. Тут существовали три основных подхода.

1. Традиционный. Идеальной моделью считается моногамный брак, осуждаются до- и внебрачные половые отношения, abortionы и гомосексуальные контакты; контрацепция игнорируется, сексуальность понимается как чисто мужская привилегия.

2. Либертарианский. Эротические устремления признаются и за женщиной, и за мужчиной, популярны идеи модифицированных брачных союзов и семьи, любовь мыслится как свободный инстинкт (Эрос), не мешающий социальному общению.

*Лебина Н. Интим: Сексуальные практики эпохи социализма: регламентация сферы приватности // Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: этюды к картине быта российского города: 1917–1991. – М.: Новое лит. обозрение, 2019. – С. 171–188.

3. Революционно-аскетический. Предполагается жесткий контроль общества над сексуальными практиками. Все личное, и прежде всего сексуальное, рассматривается как помеха коллективистскому и революционному.

«В реальных сексуальных практиках городского населения соседствовали революционная свобода и революционное ханжество» (с. 173).

С середины 1930-х годов в государственной политике и идеологии совершается поворот к патриархальным взглядам на интимную жизнь, включая уголовное преследование гомосексуализма и почти полный запрет абортов в 1936 г. Этот запрет был отменен в 1955 г., а с 1962 г. аборт снова, как и в 20-е годы, стал бесплатным. Арсенал средств предохранения заметно расширился. В 1971 г. было разрешено применение гормональных контрацептивов, хотя и в сугубо лечебных целях.

По опросам, в конце 60-х годов добрачные половые отношения одобряли не только 62% молодых мужчин, но и 55% молодых женщин (с. 186). В «оттепельной» литературе и кинематографе уже без осуждения говорилось о внебрачных половых отношениях; вместе с тем официально по-прежнему проповедовалась идея о девичьей чести как главном достоинстве женщины.

О культуре интимной жизни стали писать в популярной литературе. Тем не менее книг по сексологии долгое время не было, и соответствующие сведения нередко черпались из художественной литературы.

Параллельно с государственной программой расселения коммуналок («хрущевки») «на бытовом уровне формировалось стремление к обособлению, к сокрытию личной жизни. Тогда-то и распространилось в языковом поле понятие “интим”. Его использование для обозначения ситуаций повседневности – явное свидетельство изменения представлений о соотношении публичного и приватного пространства» (с. 187).

Стремление к интимизации пространства во многом было связано с сексуальными практиками. Частная жизнь была гораздо разнообразнее, чем ее модели, конструируемые властью. К началу 1970-х годов в советском языковом пространстве, наряду со словом «интим», уже существовали производные от понятия «секс»: «секс-бомба», «секс-фильм» (связанные с западной индустрией развлечений), а также сексолог, сексологический, сексопатолог и т.д. «Вербализация явлений, связанных с половыми отношениями, – заключает автор, – свидетель-

ствовала о наличии в советской действительности признаков “великой сексуальной революции”, развернувшейся в мире на рубеже 1950–1960-х годов» (с. 188).

Этот вывод, однако, недостаточно подкреплен фактическим материалом. Обращение к Национальному корпусу русского языка показывает, что слово «интим», во-первых, вошло в обиход не в 60-е, а лишь в 70-е годы, однако и тогда оставалось сравнительно редким, а значение его – весьма размытым. По-настоящему популярным оно стало лишь в 1990-е годы как эвфемизм, «приличное» обозначение половых отношений.

Что же касается слова «секс», то оно действительно вошло в русский советский язык в начале 60-х годов. Однако вплоть до начала перестройки оно (за вычетом нескольких произведений художественной литературы) применялось исключительно к западному обществу и культуре, причем в негативном контексте – в одном ряду с «насилием», «развратом» и «порнографией». Именно этим объясняется знаменитая реплика участницы телемоста Ленинград – Бостон 17 июля 1986 г.: «Секса у нас нет. Мы категорически против этого».

Те же коннотации связывались со словом «секс» у постсоветских политиков, сформировавшихся в советской культуре, например: «Общество должно само отвергать все, что связано сексом, насилием и прочими извращениями» (Владимир Путин на встрече с творческой интеллигенцией Иркутска 18 февраля 2000 г.).

Душенко К.В.